

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений

Distr.: General
17 April 2026
Russian
Original: Spanish

Комитет по насильственным исчезновениям

Решение, принятое Комитетом в соответствии со статьей 34 Конвенции в отношении Мексики* **

I. Законодательная основа

1. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений направлена на предотвращение и искоренение насильственных исчезновений, а также на борьбу с безнаказанностью за такие деяния. Конвенция гарантирует право каждого человека не подвергаться насильственному исчезновению; право жертв на правосудие и возмещение; право любой жертвы знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения и о судьбе исчезнувшего лица, а также право беспрепятственно собирать, получать и распространять информацию для этой цели.

2. В статье 2 Конвенции насильственное исчезновение определяется как арест, задержание или похищение представителями государства (государственными служащими) или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытия данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица. В статье 5 предусматривается, что широко распространенная или систематическая практика насильственных исчезновений является преступлением против человечности и влечет за собой последствия, предусмотренные применимым международным правом. Ратифицировав Конвенцию, Мексика взяла на себя обязательство предотвращать случаи насильственных исчезновений, предусматривать за них уголовную ответственность, проводить расследования, а также обеспечивать наказание виновных и соблюдение прав жертв.

3. В статье 34 Конвенции предусматривается, что если Комитет получает сведения, которые, по его мнению, содержат достаточно обоснованные свидетельства того, что на территории, находящейся под юрисдикцией какого либо государства-участника, широко или систематически практикуются насильственные исчезновения, он может, предварительно запросив у соответствующего государства-участника всю соответствующую информацию о положении в этой области, в срочном порядке довести этот вопрос до сведения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

4. В пункте 2 статьи 103 правил процедуры Комитета¹ предусматривается, что Комитет запрашивает у этого государства-участника всю соответствующую информацию о положении дел в этой области, с тем чтобы в срочном порядке принять меры в связи со случаями насильственных исчезновений, которые, как представляется,

* Принято Комитетом на его тридцатой сессии (9–19 марта 2026 года).

** Концевые сноски и приложение воспроизводятся только на том языке, на котором они были представлены.

широко и систематически практикуются на территории, находящейся под юрисдикцией государства-участника.

5. Согласно статье 106 правил процедуры, с учетом замечаний, представленных соответствующим государством-участником, Комитет может, при необходимости, провести консультации и осуществить другие меры, с тем чтобы принять решение о том, целесообразно ли безотлагательно довести данный вопрос через Генерального секретаря до сведения Генеральной Ассамблеи.

6. Настоящим Комитет просит Генерального секретаря препроводить Генеральной Ассамблее настоящее решение в соответствии со статьей 34 Конвенции и уведомляет о своем решении государство-участник².

II. Справочная информация

A. Этапы взаимодействия Мексики с Комитетом с 2012 года

7. Мексика ратифицировала Конвенцию в феврале 2007 года. С учетом имеющейся информации о ситуации с исчезновениями людей в государстве-участнике Комитет в целях выполнения своего мандата задействовал различные процедуры, предусмотренные Конвенцией. Их осуществление происходило при участии и сотрудничестве со стороны государства-участника.

8. В ходе применения указанных процедур поддерживался постоянный диалог между Комитетом, государством-участником, жертвами и другими субъектами гражданского общества (см. приложение «Хронология сотрудничества между Комитетом и государством-участником и деятельность Комитета в рамках различных процедур, предусмотренных его мандатом» (только на испанском языке)).

B. Рекомендации, вынесенные Комитетом с 2012 года

9. На каждом этапе своего взаимодействия с государством-участником Комитет препровождал выраженную им обеспокоенность и свои рекомендации, призывая его принять конкретные меры по предотвращению и искоренению насильственных исчезновений, поиску и установлению местонахождения исчезнувших лиц, а также поощрению защиты прав жертв. Далее кратко изложены основные выводы и рекомендации, сформулированные в ходе взаимодействия с государством-участником.

1. Заключительные замечания от 2015 года

Контекст широко распространенных исчезновений

10. В своих заключительных замечаниях от 2015 года³ Комитет отметил, что полученная информация свидетельствует о широкой распространенности исчезновений людей на значительной части территории государства-участника, многие из которых можно квалифицировать как насильственные исчезновения.

11. Кроме того, Комитет отметил пробелы в механизме, созданном в целях предотвращения и расследования насильственных исчезновений и наказания за их совершение; а также проблемы, связанные с национальным реестром данных о пропавших без вести или исчезнувших лицах, и отсутствие единого реестра, из которого можно было бы извлекать достоверные статистические данные. Комитет рекомендовал обеспечить, чтобы в реестре отражались все соответствующие случаи, включая сведения о возрасте, поле и гражданстве исчезнувшего лица, а также информацию, позволяющую проводить различие между насильственными исчезновениями и другими видами исчезновений.

Предотвращение и расследование исчезновений

12. Комитет подчеркнул необходимость принятия мер по предотвращению исчезновений, их тщательному расследованию и наказанию виновных, обеспечивая при этом неподсудность дел о насильственных исчезновениях военным судам, даже в тех случаях, когда жертвы или виновные являются военнослужащими. Комитет рекомендовал также создать единый национальный реестр, разработать протоколы немедленного начала розыскных мероприятий, укрепить потенциал судебной экспертизы и обеспечить участие родственников и общественных организаций, обеспечивающих их сопровождение.

2. Заключительные замечания от 2018 года*Продолжающиеся исчезновения и безнаказанность*

13. В 2018 году Комитет выразил сожаление по поводу того, что на значительной части территории государства-участника сохраняется проблема широко распространенных исчезновений людей, а также царят безнаказанность и повторная виктимизация. Отметив отсутствие реального прогресса в выполнении рекомендаций, сформулированных в его предыдущих заключительных замечаниях⁴, Комитет указал на отсутствие достоверных данных о насильственных исчезновениях, незначительное число вынесенных обвинительных приговоров, а также на чрезвычайную ситуацию, связанную с большим количеством неопознанных тел и брошенных тайных захоронений на всей территории страны. Он подчеркнул наличие структурных препятствий, мешающих доступу к установлению истины, правосудию и полному возмещению ущерба, а также эффективному участию жертв и их организаций, в частности, в проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий, и отметил, что принятие Общего закона о насильственных исчезновениях, исчезновениях, совершенных частными лицами, и о Национальной системе розыска пропавших без вести лиц не имело достаточного эффекта.

Надлежащая правовая квалификация

14. Комитет признал, что в статье 34 Общего закона предусмотрен состав преступления насильственного исчезновения, однако выразил обеспокоенность тем, что эта статья не обеспечивает надлежащего развития положений статьи 3 Конвенции, а также тем, что в национальном законодательстве насильственное исчезновение не квалифицируется как преступление против человечности. Он рекомендовал пересмотреть данный закон в соответствии с Конвенцией.

Уголовная ответственность и сотрудничество

15. Комитет настоятельно призвал государство-участник обеспечить признание уголовной ответственности вышестоящего должностного лица в рамках всех расследований и судебных разбирательств, а также исключить военную юрисдикцию из всех дел о насильственных исчезновениях. Он рекомендовал укрепить национальные и международные механизмы судебного сотрудничества в целях расследования исчезновений и наказания за их совершение.

Реестр и розыск

16. Комитет отметил учреждение Национальной комиссии по розыску и создание Национального реестра исчезнувших и пропавших без вести лиц, подчеркнув важность формирования единого реестра, и призвал продолжать совершенствовать сбор дезагрегированных данных и обеспечить объединение баз данных, включая реестры мигрантов. Он рекомендовал создать независимое национальное судебно-медицинское учреждение, а также международный механизм технической помощи в целях обработки тысяч неопознанных тел и останков.

3. Доклад о посещении страны Комитетом в 2021 году (выводы и рекомендации)

Широко распространенная практика и безнаказанность

17. В своем докладе о посещении государства-участника в 2021 году Комитет отметил, что исчезновения людей по-прежнему носят повсеместный характер, причем царит практически полная безнаказанность. Он отметил, что, согласно данным государственных органов, всего лишь от 2 до 6 процентов дел об исчезновениях людей были переданы в суд, и на сегодняшний день национальными судебными органами было вынесено всего 36 приговоров. Он отметил, что структурная безнаказанность способствует повторению случаев исчезновений и вызывает тревогу у жертв, а также у людей и организаций, обеспечивающих их сопровождение.

Причастность государственных служащих и преступных групп

18. Комитет получил свидетельства об исчезновениях людей, которые приписываются органам внутренних дел федерального уровня, штатов и муниципалитетов, а также частным охранным компаниям и преступным группам, действовавшим с молчаливого согласия должностных лиц на всех трех уровнях управления. Комитет напомнил, что государства несут ответственность за исчезновения, совершенные государственными служащими, а также лицами или группами лиц, действующими с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, в том числе в случае, когда речь идет о преступных или военизированных организациях. Это включает ситуации, когда преступные организации или вооруженные группы находятся под фактическим контролем государственных властей или когда такие организации получают ту или иную форму поддержки со стороны государственных служащих, или когда известно о существовании практики исчезновений людей при непринятии государством необходимых мер для недопущения дальнейших исчезновений или для их расследования и привлечения виновных к ответственности⁵.

Институциональные пробелы

19. В докладе отмечалось, что между федеральными властями и органами власти штатов и муниципалитетов не налажена координация, а также что отсутствует государственная политика в области предотвращения и искоренения исчезновений, а положения о применении Общего закона и о порядке функционирования Национальной системы розыска пропавших без вести лиц являются недостаточными. Было отмечено, что усилия некоторых органов власти нивелируются такими решениями, как принятие Закона о Генеральной прокуратуре, несовместимого с Общим законом и Общим законом о жертвах. Был сделан вывод о нехватке кадровых и финансовых ресурсов в государственных комиссиях по розыску, а также об отсутствии гарантий занятости их сотрудников.

Рекомендации, вынесенные в докладе о посещении страны

20. В своем докладе о посещении страны Комитет настоятельно призвал государство-участник принять эффективную и действенную национальную политику в области предотвращения и искоренения насильственных исчезновений и препроводил ему 84 конкретные рекомендации, разделенные на две основные категории:

- рекомендации, касающиеся создания минимальных условий для проведения эффективной и действенной национальной политики, включая следующие: признавать и учитывать критерии ответственности государственных служащих и устранять структурные причины безнаказанности; отказаться от усиления военной составляющей в сфере обеспечения общественной безопасности; обеспечивать предание огласке, информирование и повышение осведомленности об исчезновениях, а также надлежащее осуществление нормативно-правовых, судебных и институциональных рамок на территории всей страны;

- рекомендации, касающиеся приоритетов, на которых должна сосредоточиться национальная политика, среди которых были выделены следующие: укреплять соответствующие учреждения, следственные и оперативно-розыскные мероприятия; обеспечивать эффективную и систематическую координацию деятельности различных учреждений; устранять препятствия, мешающие передаче дел о насильственных исчезновениях в суды; принять надлежащие меры в связи со случаями исчезновений, имевшими место в контексте миграции; содействовать проведению следственных и оперативно-розыскных мероприятий, возмещению ущерба и увековечению памяти в связи с делами, имеющими длительную историю; принять меры в связи с кризисным состоянием системы судебно-медицинской экспертизы; содействовать доступу к розыску пропавших без вести лиц, установлению истины, правосудию и возмещению ущерба с применением дифференцированного подхода; признать роль жертв и надлежащим образом удовлетворять их потребности в помощи и защите; обеспечивать защиту государственных служащих, участвующих в следственно-розыскных мероприятиях, а также устранять недостатки в ведении реестров в качестве стратегии предотвращения и искоренения исчезновений.

4. Заключительные замечания от 2023 года

Сохранение явления и задержки в нормативно-правовой сфере

21. В 2023 году Комитет выразил сожаление по поводу того, что исчезновения людей по-прежнему носят повсеместный характер, а также в связи с неприятием государством-участником ни положений о порядке применения Общего закона и функционирования Национальной системы розыска пропавших без вести лиц, ни комплексной национальной политики в области предотвращения и искоренения исчезновений.

Расследование и судебное преследование

22. Комитет приветствовал существование специализированных подразделений прокуратуры или следственных подразделений по делам о насильственных исчезновениях во всех федеральных субъектах государства-участника, а также утверждение Единого протокола расследования, но при этом отметил, что расследованию и уголовному преследованию по делам об исчезновениях по-прежнему не уделяется приоритетного внимания. Он отметил тревожное число зарегистрированных случаев исчезновений и неэффективность расследований, что приводит к сохранению практически полной безнаказанности. Он осудил фрагментарность расследований, ограниченное использование расследований с выездами на места и научно обоснованных доказательств, а также неэффективное преследование виновных в совершении этих преступлений.

Участие и дифференцированный подход

23. Комитет подчеркнул необходимость обеспечения эффективного участия родственников и организаций гражданского общества на всех этапах розыска, расследования и возмещения ущерба, а также применения дифференцированного подхода к удовлетворению их потребностей. Он призвал государство-участник активизировать информационно-просветительскую работу в целях борьбы со стигматизацией жертв.

Повторение рекомендаций

24. Рекомендации 2023 года повторяют многие из тех, что были сформулированы в 2015, 2018 и 2021 годах, что свидетельствует об их невыполнении.

5. Срочные меры и индивидуальные жалобы (статьи 30 и 31 Конвенции)

25. По состоянию на 28 февраля 2026 года (дата последнего периодического доклада Комитета о принятии срочных мер)⁶ Комитет зарегистрировал в общей сложности 819 просьб о принятии срочных мер в связи с исчезновениями,

произошедшими в Мексике, что составляет около 36,5 процента от общего числа дел, зарегистрированных в соответствии со статьей 30 Конвенции.

26. Собранный в этом контексте информация выявляет закономерности и тенденции, на которые Комитет с озабоченностью обратил внимание государства-участника и в отношении которых он препроводил конкретные рекомендации, направленные на содействие следственным и оперативно-розыскным мероприятиям в соответствии с Конвенцией.

27. В этой связи Комитет хотел бы подчеркнуть, что случаи исчезновений, о которых сообщается в рамках процедуры принятия срочных мер, затрагивают людей самого разного возраста, статуса и социального происхождения⁷.

28. В большинстве случаев авторы просьб утверждают, что исчезновения, в том числе насильственные, являются широко распространенной практикой в соответствующих штатах, причем они затрагивают все субъекты федерации, указанные в информации, полученной по статье 34, равно как и другие субъекты федерации. Утверждения касаются связей между государственными служащими и преступными группами, в том числе в отношении происходящих исчезновений⁸.

29. В этой связи Комитет отмечает, что в некоторых просьбах о принятии срочных мер говорилось о прямой причастности государственных служащих к исчезновению человека. Другие просьбы содержат мало информации об обстоятельствах исчезновения и возможных виновных, но в них приведены убедительные утверждения о связях между местными органами власти и предположительно причастными к исчезновениям преступными группами. Судя по имеющейся информации, проведенные расследования, как правило, не позволяют прояснить, действительно ли существуют эти предполагаемые связи⁹.

30. Представленная информация свидетельствует о наличии других пробелов в проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий, в отношении которых представленные государством-участником ответы, как правило, не свидетельствуют о принятии эффективных мер. В частности, в последующих нотах, направленных Комитетом государству-участнику, а также в публикуемых Комитетом периодических докладах о принятии срочных мер отмечены следующие тенденции¹⁰:

a) в большинстве случаев поиск, как представляется, ведут в основном родственники исчезнувшего лица. В случае, когда компетентные органы принимают меры, они, как правило, действуют почти исключительно посредством официальных просьб и стандартных запросов в рамках взаимодействия федеральных учреждений и учреждений штатов при отсутствии заранее разработанного плана или стратегии проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий¹¹;

b) зачастую отмечаются серьезные упущения при проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе задержки или нарушения, связанные со следующими видами деятельности:

i) посещение предполагаемого места происшествия или возможного местонахождения исчезнувшего человека¹²;

ii) судебно-медицинская экспертиза имеющихся генетических образцов и сбор необходимых образцов для установления личности исчезнувшего человека¹³;

iii) сбор и анализ данных телефонных сетей, списков вызовов и данных, полученных с мобильных телефонов¹⁴, а также видеозаписей с камер видеонаблюдения в предполагаемом месте происшествия¹⁵;

c) согласно полученным заявлениям, власти часто сообщают жертвам, что дефицит людских и финансовых ресурсов препятствует проведению следственных и оперативно-розыскных мероприятий¹⁶;

d) имеющаяся информация свидетельствует о том, что следственные органы, которым поручены дела об исчезновениях, зачастую придерживаются версии, предполагающей иной состав преступления, даже если родственники исчезнувшего

лица конкретно просили возбудить дело о насильственном исчезновении¹⁷. Такая тенденция наблюдается в основном в случаях совокупности преступлений, включающих насильственное исчезновение. Следственные органы открывают отдельные расследования без надлежащей координации и совместного анализа со стороны специализированных подразделений прокуратуры. Это приводит к фрагментарной квалификации деяний и их преследованию на основании таких составов преступления, как убийство, незаконное лишение свободы, похищение, ношение запрещенного оружия или организованная преступность, а факт насильственного исчезновения тем самым замалчивается;

е) лица, преследуемые по обвинению в насильственном исчезновении, часто получают оправдательные приговоры из-за чрезмерной строгости стандартов доказывания, используемых применительно к данному виду преступлений.

31. Наконец, некоторые просьбы о принятии срочных мер содержат подробные сведения о предполагаемой причастности государственных служащих к действиям, которые, как утверждается, воспрепятствовали проведению следственных и оперативно-розыскных мероприятий¹⁸. Хотя Комитет препроводил государству-участнику эти заявления, напомнив последнему об обязанности провести в этой связи расследования и наказать виновных, имеющаяся информация не свидетельствует о том, что в этом отношении были приняты систематические и эффективные меры¹⁹.

32. Комитет отмечает, что он обнаружил аналогичную ситуацию в двух индивидуальных жалобах, рассмотренных им в соответствии со статьей 31 Конвенции в отношении Мексики²⁰.

III. Процедура в соответствии со статьей 34 Конвенции

33. В период с февраля по апрель 2025 года Комитет получил материалы от Международной федерации за права человека (МФПЧ), в которых к Комитету была обращена просьба инициировать процедуру в соответствии со статьей 34 Конвенции.

34. Как было отмечено в просьбе о предоставлении информации, препровожденной государству-участнику, Комитет рассмотрел указанные материалы с учетом всей информации, собранной в ходе его взаимодействия с государством-участником начиная с 2012 года. На своей двадцать восьмой сессии²¹ Комитет постановил обратиться к Мексике с просьбой представить всю соответствующую информацию в соответствии со статьей 34 Конвенции. Просьба о предоставлении информации была направлена 24 июня 2025 года, и государству-участнику было предложено ответить на нее не позднее 18 сентября 2025 года.

35. Государство-участник представило свой ответ в этот срок и просило сохранить его конфиденциальность в соответствии с пунктом 2 статьи 47 правил процедуры Комитета.

36. В период с сентября по февраль 2026 года ряд организаций гражданского общества и объединений жертв направили Комитету информацию в соответствии со статьей 106 правил процедуры Комитета. Комитет провел встречи с представителями государства-участника и гражданского общества.

37. На своих двадцать девятой и тридцатой сессиях Комитет рассмотрел информацию, полученную в соответствии со статьей 34 Конвенции, с учетом всей имеющейся информации относительно государства-участника (см. пункты 7–32) и постановил передать этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи.

A. Информация, представленная Комитету в соответствии со статьей 34 Конвенции

38. В материалах, представленных МФПЧ Комитету, содержалась просьба инициировать процедуру в соответствии со статьей 34 Конвенции, главным образом в свете выявленных тенденций и задокументированных случаев, в числе которых были

приведены показательные примеры, относящиеся к штату Коауила (2009–2016 годы)²², штату Наярит (2011–2017 годы)²³ и штату Веракрус (2010–2016 годы)²⁴. МФПЧ обратила также внимание на недавние случаи, имевшие место главным образом в штатах Халиско и Наярит²⁵.

39. В числе основных выводов МФПЧ приводит информацию об исчезновениях, совершенных государственными субъектами или негосударственными субъектами, действующими при поддержке, с разрешения или с согласия государства, а также о характерных случаях насильственных исчезновений с конкретными примерами, свидетельствующими, в частности, о сговоре между органами власти трех уровней и преступными группами, причем одним из наиболее распространенных видов практики является незаконное помещение людей под стражу органами власти с целью передачи их преступным группам или же их освобождения с последующим исчезновением. Следует также отметить, что в некоторых случаях для совершения насильственных исчезновений используются государственные ресурсы, в том числе государственные транспортные средства и места содержания под стражей.

40. Что касается недавних случаев, то, по полученным данным, с 1 января 2023 года по 22 апреля 2025 года в Национальном реестре исчезнувших и пропавших без вести лиц зарегистрировано 28 880 исчезновений; обнаружены тайные захоронения; имеет место систематическое лишение свободы в контексте междоусобной борьбы картелей за контроль над территорией и предполагаемое соучастие или попустительство со стороны государственных служащих.

41. Подчеркивается, что, несмотря на рекомендации, вынесенные Комитетом по итогам посещения страны²⁶, число исчезнувших людей продолжает расти, а кризис системы судебно-медицинской экспертизы и безнаказанность сохраняются. МФПЧ и другие организации, представившие информацию в рамках данной процедуры, считают, что, хотя Мексика и приняла законы и меры политики по борьбе с насильственными исчезновениями и содействию их расследованию, виновные из числа высокопоставленных лиц так и не были привлечены к ответственности. Утверждается, что безнаказанность обусловлена также наличием коррупции, в частности со стороны местных судебных органов и правительств штатов, что препятствует проведению объективных расследований.

42. За представленной МФПЧ просьбой инициировать процедуру в соответствии со статьей 34 Конвенции последовал ряд публичных материалов, направленных другими субъектами гражданского общества²⁷. Во всех этих материалах подтверждаются тенденции, отмеченные МФПЧ²⁸, и указывается на их распространенность в штатах Коауила, Наярит, Веракрус и Халиско, а также в штатах Нуэво-Леон, Гуанахуато, Табаско, Морелос, Нижняя Калифорния и Мехико²⁹.

43. Эти источники считают, что в Мексике случаи насильственных исчезновений носят *prima facie* повсеместный или систематический характер и полагают, что факт исчезновений, в том числе насильственных, является достаточно серьезным, чтобы оправдать вмешательство Комитета в соответствии со статьей 34 Конвенции.

В. Ответ государства-участника на просьбу Комитета о предоставлении информации

44. В своем ответе от 18 сентября 2025 года³⁰ государство-участник отмечает, что оно является одним из государств, наиболее активно сотрудничающих с Комитетом. Напоминая о том, что статья 34 Конвенции применяется исключительно при наличии достаточно обоснованных свидетельств «широкой или систематической практики» насильственных исчезновений, государство-участник считает, что данная статья должна толковаться в рамках материальной сферы применения Конвенции, которая ограничена насильственными исчезновениями, совершенными государственными служащими или с их разрешения, и не включает исчезновения, совершенные частными лицами без молчаливого согласия государства. Государство-участник утверждает, что определение молчаливого согласия должно быть строгим и не должно приравниваться

к отсутствию должной осмотрительности, поскольку только явное поведение государства может считаться поддержкой или молчаливым согласием.

45. Государство-участник напоминает, что по Римскому статуту Международного уголовного суда насильственное исчезновение может представлять собой преступление против человечности, если оно совершается в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и если такое нападение совершается сознательно. Оно отрицает наличие в Мексике практики насильственных исчезновений, представляющей собой преступление против человечности, и приводит следующие критерии, которые в таком случае должны быть соблюдены: а) наличие насильственных исчезновений; б) совершение нападения на гражданское население; в) широкомасштабный или систематический характер такого нападения, и д) сознательное совершение нападения виновным. Государство-участник подчеркивает, что оно разделяет озабоченность Комитета по поводу обеспечения максимально возможной защиты жертв исчезновений, однако, исходя из строгого понимания компетенции Комитета, Заявление о негосударственных субъектах в контексте Конвенции³¹ не предполагает расширения обязательств государств-участников.

46. Государство-участник утверждает, что в информации, представленной МФПЧ, большинство случаев приписывается картелям или другим негосударственным субъектам, в связи с чем оно считает, что критерий причастности государства не соблюден. Оно утверждает, что в Мексике не существует какого-либо плана, политики или стратегии, которые могут быть присвоены государству и направлены на совершение нападений на гражданское население. Напротив, оно подчеркивает, что принятие местных законов и создание специализированных подразделений прокуратуры, комиссий по розыску и координационных механизмов свидетельствуют о том, что государство взяло курс на оказание помощи жертвам, что несовместимо с существованием какой-либо политики нападения.

47. Государство-участник отмечает также, что приведенный МФПЧ анализ ограничивается тремя субъектами федерации (Коауила, Наярит и Веракрус) и что в нем зафиксировано лишь 32 случая, касающихся 73 жертв в штате Коауила. Оно считает, что исчезновения людей являются результатом отдельных преступных действий вооруженных групп и не представляют собой широкую или систематическую политику государства. Оно напоминает, что в Национальный реестр включены все исчезнувшие и пропавшие без вести лица без разделения на исчезновения и насильственные исчезновения, и поэтому данные этого реестра нельзя использовать для утверждения о том, что в стране имеют место широкомасштабные насильственные исчезновения. В заключение оно утверждает, что критерий наличия широкомасштабного или систематического характера исчезновений не соблюден, а также что нет никаких свидетельств молчаливого согласия или осведомленности со стороны властей.

48. Государство-участник описывает свои правовые и институциональные рамки, демонстрируя свою готовность принимать меры по предотвращению и искоренению насильственных исчезновений. Оно отмечает, в частности, Общий закон о насильственных исчезновениях от 2017 года с поправками, внесенными в 2025 году, а также Указ Президента от 18 марта 2025 года, которым всем субъектам федерации предписывается активизировать поиск пропавших без вести лиц.

49. В главе IV представленных Комитету ответов государство-участник излагает Национальную стратегию общественной безопасности, направленную на борьбу с организованной преступностью и восстановление территориального контроля, и проводит анализ ситуации в штатах Коауила, Халиско, Наярит и Веракрус, отмечая, что большинство случаев исчезновений произошло в прошлом, в особо сложной обстановке, связанной с преступным насилием, что послужило толчком к глубоким преобразованиям правовых рамок, результатом которых стало в том числе создание комиссий по розыску и программ субсидирования в целях повышения эффективности розыскных мероприятий.

50. Подчеркнув свою готовность продолжать сотрудничество с Комитетом и предоставлять информацию, необходимую для оценки ситуации, государство-участник в заключение вновь заявляет, что в Мексике не существует «широко распространенной или систематической практики насильственных исчезновений», а также что отсутствуют элементы состава преступлений против человечности.

IV. Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

51. В соответствии со статьей 34 Конвенции Комитет должен оценить, указывает ли полученная информация на наличие достаточно обоснованных свидетельств существования широкой или систематической практики насильственных исчезновений в Мексике.

52. Анализ этого вопроса проводится на основе ответа государства-участника на просьбу Комитета о предоставлении информации, направленную 18 июля 2025 года (см. пункты 44–50), представлений субъектов гражданского общества по статье 34 Конвенции (см. пункты 38–43), а также информации, собранной Комитетом начиная с 2012 года (см. пункты 9–32). Комитет рассматривает каждый из правовых критериев, применимых в соответствии с нормами международного права, в свете имеющейся информации.

A. «Достаточно обоснованные свидетельства»

53. Комитет считает, что понятие «достаточно обоснованные свидетельства», содержащееся в статье 34 Конвенции, означает, что Комитет должен быть *prima facie* убежден в том, что он получил подробную и точную информацию из достоверного источника о том, что имели место события, относящиеся к его компетенции. В этом смысле Комитет не выступает в качестве следственной комиссии, и перед ним не стоит задача делать фактологические выводы. Таким образом, ему не нужно применять такие правила доказывания, как «обоснованное подозрение» или «разумные основания полагать», которые используются комиссиями по расследованию³² или Прокурором Международного уголовного суда (Римский статут, статья 53).

54. В соответствии с критерием «достаточно обоснованных свидетельств» Комитет должен определить, вызывает ли имеющаяся информация достаточную озабоченность для того, чтобы передать этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи в целях выяснения фактов и исправления сложившейся ситуации в соответствии с ее полномочиями.

B. Насильственные исчезновения

Применимая норма

55. Комитет напоминает, что в соответствии с Конвенцией насильственные исчезновения могут совершаться как государственными, так и негосударственными субъектами в обстоятельствах, которые Комитет подробно изложил в своем докладе о посещении Мексики³³, а также в своем Заявлении о негосударственных субъектах в контексте Конвенции.

56. Комитет согласен с государством-участником в том, что данное заявление, как и любое другое заявление подобного рода, «не предполагает расширения обязательств государств-участников», а должно рассматриваться «как дополнительное средство толкования Конвенции, [которое] позволяет определить обычное значение ее терминов в ее контексте и в свете ее предмета и цели, как это предусмотрено статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров»³⁴.

57. Что касается позиции государства-участника, в соответствии с которой пункт 17 Заявления якобы предполагает «расширение сферы применения статьи 5 Конвенции на действия негосударственных субъектов, действующих без разрешения, поддержки или согласия государства»³⁵, то Комитет подчеркивает, что данная статья

не содержит определения понятия «преступления против человечности», а лишь ссылается на «применимое международное право», которое включает общее международное право — обычное международное право и общие принципы международного права — и международные договоры, которые конкретное государство ратифицировало, к которым оно присоединилось или которые оно иным образом приняло. В случае Мексики в число международных договоров входит Римский статут Международного уголовного суда, который государство-участник ратифицировало 28 октября 2005 года. В этой связи Комитет напоминает, что, как отметила Рабочая группа по насильственным исчезновениям, определение, содержащееся во вводной части пункта 1 статьи 7 Римского статута, «теперь отражает обычное международное право»³⁶.

58. Таким образом, говоря о насильственных исчезновениях как о преступлении против человечности, Комитет считает, что под «применимым международным правом» подразумевается статья 7 Римского статута, а также судебная практика Международного уголовного суда и других международных или смешанных судов, содержащие подробное описание условий, которые должны быть соблюдены для установления факта совершения преступлений против человечности³⁷.

59. В пункте 1 статьи 7 Римского статута говорится о насильственных исчезновениях, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и если такое нападение совершается сознательно». Согласно пункту 2 статьи 7 Статута, «нападение на любых гражданских лиц» может совершаться «в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике», а «насильственное исчезновение людей» определяется как «задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия».

60. Исходя из вышеизложенного и толкуя статью 5 добросовестно в свете объекта и цели Конвенции, Комитет пришел к выводу, что насильственные исчезновения как преступление против человечности могут совершаться негосударственными субъектами, такими как организации или политические организации, в том числе когда они действуют без разрешения, поддержки или согласия государства.

61. Комитет принимает также к сведению озабоченность государства-участника по поводу того, что в Заявлении о негосударственных субъектах в контексте Конвенции дается толкование понятия «согласие», которое «выходит за рамки содержания нормы, закрепленной в общем международном праве». Государство-участник утверждает, что:

согласие является нормой, предусмотренной в международном публичном праве, которая представляет собой молчаливое признание, выраженное в одностороннем действии государства, которое другая сторона, в данном случае — негосударственные субъекты, истолковывает как согласие³⁸,

и что:

критерий согласия требует доказательства того, что соответствующее государство заранее знало о наличии реальной и непосредственной угрозы нарушений прав лиц, находящихся под его юрисдикцией. Для установления наличия согласия требуется проанализировать обоснованность действий государства; при этом должно быть доказано, что соответствующие факты явно и бесспорно указывают на действия государства, дающего согласие³⁹.

62. Эта позиция имеет как сходство с толкованием, данным Комитетом, так и свои нюансы. Однако Комитет считает, что анализ представленной ему информации не требует более углубленного изучения этих правовых вопросов. Как уже пояснялось выше (см. пункты 18, 28, 29, 31 и 38–43), в жалобах, о которых говорится в информации, полученной Комитетом, упоминается прямая или косвенная причастность государственных органов всех трех уровней (федеральных, штатов и муниципалитетов). Зарегистрированные случаи предполагаемого «согласия» соответствуют толкованию этого понятия, представленному Мексикой, а именно:

а) государству было заранее известно о наличии реальной и непосредственной угрозы нарушения прав лиц, находящихся под его юрисдикцией; б) согласие государства выражается в виде явных действий и не оставляет места для сомнений, и с) такие действия представляют собой молчаливое признание, которое другая сторона, в данном случае — негосударственные субъекты, истолковывает как согласие.

Анализ имеющейся информации

63. В своем докладе о посещении страны Комитет отмечает, что в период с 2006 по 2021 год в стране наблюдался экспоненциальный рост числа исчезновений: в этот период было зафиксировано более 98 процентов случаев. Эти данные свидетельствуют о тесной связи между ростом числа исчезновений и началом так называемой «войны с незаконным оборотом наркотиков» в течение шестилетнего президентского срока Фелипе Кальдерона (2006–2012 годы), когда была реализована политика, характеризующаяся развертыванием вооруженных сил в целях поддержания общественной безопасности, которая продолжилась и даже ужесточилась в последующие президентские сроки. Таким образом, если во второй половине прошлого века исчезновения людей в основном представляли собой механизмы политических репрессий, осуществляемых представителями правительства и вооруженными силами, жертвами которых в большинстве случаев становились оппозиционные социальные группы, то начиная с 2006 года типичные характеристики жертв исчезновений людей и виновных лиц стали более разнообразными, как и используемые для этой цели схемы⁴⁰. Эта тенденция находит отражение в информации, полученной в соответствии со статьей 34 (см. пункты 38–43).

64. В своем докладе о посещении страны Комитет отметил, что получил вызывающую озабоченность информацию о существовании различных схем совершения насильственных исчезновений, которые применяются в большинстве субъектов федерации. Насильственные исчезновения по-прежнему совершаются непосредственно государственными служащими на федеральном уровне и уровне штатов и муниципалитетов. Кроме того, лица, причастные к организованной преступности, при различных формах сговора и разной степени участия, согласия или бездействия государственных служащих, стали одними из основных виновников исчезновений⁴¹.

65. Информация, полученная Комитетом в соответствии со статьей 34, также содержит веские основания полагать, что эта тенденция сохраняется⁴².

66. В качестве примера МФПЧ указывает на то, что полный провал проводимого местными властями расследования событий на ранчо Исагирре — на что указывает тот факт, что в связи с существованием этого ранчо в течение многих лет не проводилось никаких расследований и что даже после того, как в рамках расследования местные власти провели на нем обыск, им не удалось обнаружить тайные захоронения или установить виновных до тех пор, пока объединения жертв не привлекли внимание к этим вопросам и пока не были взяты под стражу двое бывших сотрудников полиции — свидетельствует о том, что картель «Новое поколение Халиско», вероятно, действовал с разрешения, при поддержке или с согласия по крайней мере некоторых представителей власти штата. Участие бывших сотрудников полиции в вербовке, проводимой картелем «Новое поколение Халиско» на ранчо, также указывает на возможную поддержку или согласие со стороны некоторых представителей власти штата⁴³. В более общем плане организация «Международная амнистия» отмечает, что «в условиях международного контроля мексиканские власти избрали риторику, в соответствии с которой исчезновения людей в Мексике являются делом рук организованной преступности. Хотя это утверждение отчасти верно, проблема исчезновений людей в стране упрощается и упускается из вида тот факт, что во многих из этих случаев лица, связанные с организованной преступностью, действуют с разрешения, при поддержке или с согласия властей»⁴⁴.

67. Комитет признает, что не все случаи исчезновений людей в Мексике относятся к насильственным исчезновениям. В Национальном реестре исчезнувших и пропавших без вести лиц числится 123 981 человек, но известно, что часть этих лиц, отнесенных к категории «исчезнувших», «исчезли» не в результате лишения свободы,

а по другим причинам, таким как «добровольное» исчезновение или миграция. Тем не менее Комитет подчеркивает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Конвенции государство-участник несет ответственность за обеспечение того, чтобы во всех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что то или иное лицо подверглось насильственному исчезновению, в этой связи проводилось расследование.

68. В этой связи, как отмечено в докладе о посещении страны, Комитет озабочен тем, что Национальный реестр исчезнувших и пропавших без вести лиц не позволяет получить четкое представление о том, какая доля зарегистрированных случаев может относиться к насильственным исчезновениям. Хотя гипотеза о насильственном исчезновении может быть подтверждена только по завершении расследования, при наличии указывающих на это свидетельств его регистрация на начальных этапах расследования имеет решающее значение для привлечения внимания к этим случаям, а также для разработки эффективных стратегий поиска, расследования, оказания помощи и возмещения ущерба жертвам и предотвращения исчезновений⁴⁵.

69. В отсутствие более надежных данных, которые государству-участнику надлежит установить на основе независимых и эффективных расследований, Комитет исходит из полученной им достоверной информации, а также из своих предыдущих выводов, и может лишь сделать вывод о наличии достаточно обоснованных свидетельств того, что в государстве-участнике было совершено вызывающее тревогу число насильственных исчезновений.

С. «Широко распространенная или систематическая практика насильственных исчезновений»

70. Далее приводятся основные составные элементы определения преступлений против человечности в соответствии с обычным международным правом и судебной практикой Международного уголовного суда, а также других международных и смешанных судов.

71. Комитет отмечает, что в своем ответе на просьбу о предоставлении информации государство-участник выражает согласие с толкованием, данным Комитетом, согласно которому при рассмотрении понятия преступлений против человечности, содержащегося в статье 34 Конвенции, за основу следует всегда принимать Римский статут. Комитет проводит анализ ситуации в Мексике с этой точки зрения.

1. «Нападение, совершаемое в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике»

Применимая норма

72. Согласно пункту 2 а) статьи 7 Римского статута, «нападение на любых гражданских лиц» означает

линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике.

Требование о том, чтобы деяние относилось к «линии поведения», указывает на то, что статья 7 призвана охватить целый ряд случаев или событий, а не просто совокупность случайных или единичных действий⁴⁶.

73. Согласно судебной практике Международного уголовного суда, понятие «политика» по смыслу пункта 2 а) статьи 7 Римского статута по своей сути означает, что государство или организация намеревается совершить нападение на любых гражданских лиц посредством действия или преднамеренного бездействия⁴⁷. Выражение «в целях проведения» подчеркивает наличие связи между политикой и нападением⁴⁸.

74. Вопрос о том, можно ли конкретную группу людей назвать «организацией», зависит от того, «предусмотрен ли в этой организации набор структур или механизмов, какими бы они ни были, достаточно эффективных для обеспечения координации, необходимой для совершения нападения, направленного на любых гражданских лиц. Соответственно, [...] данная организация должна располагать достаточными средствами для содействия осуществлению нападения, при этом никаких других условий не ставится. В действительности нельзя полностью исключать, особенно с учетом современной асимметричной войны, что нападение на гражданских лиц может быть также делом рук частной структуры, состоящей из группы лиц, преследующих цель нападения на гражданских лиц; иными словами, речь может идти о группе, которая не обязательно обладает развитой структурой и которую можно охарактеризовать как квазигосударственную»⁴⁹. Нет необходимости доказывать, что все виды деятельности соответствующей организации имеют отношение к политике нападения на гражданских лиц⁵⁰. Даже если фактически имел место лишь один инцидент или операция, в ходе которых было совершено несколько преступлений, этот инцидент или операция может представлять собой преступление против человечности при условии наличия соответствующих контекстуальных элементов, независимо от того, какую деятельность соответствующее государство или организация ведет в более широком плане⁵¹.

75. Существование политики как таковой может вытекать из следующих факторов: а) повторяющиеся акты насилия; б) проведение подготовки или коллективной мобилизации, организуемой и координируемой соответствующей организацией; в) использование государственных или частных ресурсов для пропаганды соответствующей политики; г) участие организационных сил в совершении преступлений; д) заявления, инструкции или документы, присваиваемые соответствующей организации и одобряющие или поощряющие совершение преступлений, и е) наличие основополагающих мотивов⁵². Если тем или иным государством или организацией совершаются систематические нападения на гражданских лиц, то в принципе такие действия могут рассматриваться как политика⁵³.

Анализ имеющейся информации

а) «Нападение»

76. Представленная Комитету информация, а также его предыдущие выводы касаются «нападений», которые имели и продолжают иметь место в Мексике. Данная информация свидетельствует о наличии достаточных оснований полагать, что с 2006 года в различных частях Мексики были совершены «нападения», некоторые из которых можно приписать государственным органам, а другие — наркокартелям и другим преступным организациям, причем во многих случаях в этих нападениях прослеживаются определенные схемы участия должностных лиц властей штатов или федеральных властей.

77. В своих докладах МФПЧ приводит примеры таких нападений в контексте событий, произошедших в штате Коауила в период с 2009 по 2016 год, в штате Наярит — с сентября 2011 года по сентябрь 2017 года и в штате Веракрус — с 2010 по 2017 год. Упоминаются также недавние случаи в штатах Халиско и Наярит, которые дают веские основания полагать, что исчезновения людей совершались систематически и были частью организованной преступной деятельности на основе определенных схем либо при непосредственном участии ряда должностных лиц соответствующего штата, либо при их поддержке или с их согласия (см. пункты 38–40 и 42). В других докладах, полученных Комитетом, идет речь о нападениях, совершенных в других частях страны (см. пункт 42).

78. Напоминая, что в контексте определения преступлений против человечности «нападение» означает «поведение, включающее многократное совершение актов», к которым относятся насильственные исчезновения, Комитет отмечает, что ни Римский статут, ни международная судебная практика не содержат требования о том, чтобы «нападение» охватывало всю территорию того или иного государства. «Нападения» могут происходить в определенных частях территории и могут быть

ограничены по времени и масштабам, но должны представлять собой «поведение, включающее многократное совершение» преступлений, включая насильственные исчезновения⁵⁴.

79. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что имеются достаточные основания полагать, что в Мексике имели место «нападения» по смыслу пункта 2 а) статьи 7 Римского статута.

b) «В целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике»

80. Чтобы установить, проводит ли то или иное государство или организация политику, направленную на совершение нападения на гражданских лиц, будь то посредством действия или преднамеренного бездействия, необходимо учитывать такие факторы, как повторяющиеся акты насилия и участие организованных сил в совершении преступлений.

81. Хотя Мексика признает, что исчезновения людей и другие преступления массово совершаются преступными организациями, она не согласна с тем, что эти группы можно квалифицировать как «организации» (ст. 7, п. 2 а)) или как «политические организации» (ст. 7, п. 2 i)) по смыслу Римского статута Международного уголовного суда.

82. Комитет напоминает, что палаты Международного уголовного суда опирались на такие критерии, как структура, иерархия, управление и контроль над населением и/или территорией, хотя и применяли их гибко и не в совокупности. В судебной практике в целом отвергается предположение о том, что любая «организация» должна обладать характеристиками, схожими с характеристиками государства, и рассматриваться практически как государство⁵⁵. Хотя Международный уголовный суд пока не имел возможности прийти к выводу о том, что «наркокартели» как таковые могут считаться «организациями», он пришел к такому выводу в отношении других видов преступных банд или вооруженных групп, действующих на местном уровне⁵⁶. В свете имеющейся информации Комитет считает, что есть достаточные основания полагать, что по крайней мере некоторые из преступных организаций, действующих на территории Мексики, соответствуют критериям, установленным в статье 7 Римского статута, для целей признания их «организациями»⁵⁷.

83. Комитет отмечает также, что в подавляющем большинстве случаев, о которых было заявлено, он получил обоснованные утверждения о том, что «нападения» совершались по определенным схемам, в которых государственные служащие органов власти федерального уровня, уровня штатов и муниципалитетов были задействованы напрямую или же дали для этих целей свое разрешение, согласие или поддержку (см. пункты 18, 28, 29, 59 и 66).

84. Среди примеров, приведенных в полученной информации, стоит отметить лагерь для принудительной вербовки в муниципалитетах Тала и Теучитлан, которые:

функционировали в течение многих лет совершенно открыто, причем органы власти игнорировали жалобы объединений и местных общин, не принимая каких-либо мер. В настоящее время вскрылись факты, свидетельствующие об активном участии главы муниципалитета, который в рамках руководства муниципалитетом предположительно оказывал поддержку картелю «Новое поколение Халиско» [...], предоставляя муниципальные патрульные отряды, оружие и технику⁵⁸.

85. Практика тайного использования массовых захоронений на государственных участках земли для сокрытия тел, которая была выявлена в Тетельсинго и Хохутле (штат Морелос), свидетельствует о «непосредственном участии судебно-медицинских учреждений в незаконном сокрытии человеческих останков, в связи с чем появилось понятие «тайные государственные захоронения», используемое поисковыми группами для изобличения этой практики»⁵⁹.

86. Комитет считает, что имеющаяся информация содержит достаточные основания для того, чтобы полагать, что большинство заявленных случаев

насильственных исчезновений происходили по схожим схемам в рамках заранее спланированных операций, и исключает возможность того, что они были совершены лицами, действовавшими самостоятельно и бессистемно.

87. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что имеются достаточные основания полагать, что в ходе «нападений», совершенных на территории Мексики в различных местах в разное время в целях проведения государственной или организационной политики, т. е. политики, разработанной и проводимой в жизнь «организациями», действовавшими самостоятельно или при соучастии и, как минимум, молчаливом согласии государственных служащих органов власти федерального уровня, уровня штатов и муниципалитетов, имели место насильственные исчезновения.

88. Комитет должен также рассмотреть вопрос о том, можно ли говорить о едином нападении, характеризующемся «политикой», разработанной и проводимой на национальном уровне. В своем докладе о посещении страны Комитет подчеркнул тесную взаимосвязь между ситуацией с насильственными исчезновениями, сложившейся с 2006 года по настоящее время, и проведением национальной политики «войны с незаконным оборотом наркотиков» и конкретно призвал государство-участник отказаться от военизированного подхода к обеспечению общественной безопасности⁶⁰.

89. Однако, несмотря на то что данная политика привела к массовым и систематическим нарушениям прав человека и тяжким преступлениям в отношении значительной части гражданского населения⁶¹, Комитет не обнаружил достаточных оснований полагать, что военизированный подход к обеспечению общественной безопасности сам по себе может быть приравнен к федеральной политике, которая обязательно и преднамеренно влечет за собой совершение насильственных исчезновений.

90. Затем Комитет должен рассмотреть вопрос о том, является ли «политика», разработанная и проводимая на национальном уровне, результатом «преднамеренного бездействия» в контексте «нападений», влекущих за собой совершение насильственных исчезновений как преступлений против человечности. В этой связи Комитет напоминает, что в течение последних десяти лет государство-участник заявляло о принятии мер на федеральном уровне и уровне штатов для противодействия росту числа насильственных исчезновений по всей стране и подтвердило эту позицию в своих ответах на просьбу Комитета о предоставлении информации в соответствии со статьей 34 Конвенции⁶². Кроме того, государство-участник заявило, что разработка национальной политики по розыску пропавших без вести лиц, проведению расследований и наказанию виновных в насильственных исчезновениях несовместима с существованием политики нападения на гражданских лиц⁶³.

91. Комитет неоднократно отмечал и приветствовал меры, принятые государством-участником, а также приводил правовые и институциональные рамки Мексики в качестве положительного примера для других государств. Тем не менее Комитет был вынужден также подчеркнуть, что эти усилия оказались недостаточными и неэффективными (см. пункты 9–32) и не позволили сдержать постоянный рост числа пропавших без вести лиц и решить проблему отсутствия реального прогресса в розыске и расследовании большинства заявленных случаев, сокрытия информации, практически полной безнаказанности виновных, вызывающего тревогу кризиса системы судебно-медицинской экспертизы и непредоставления поддержки родственникам жертв, ведущим ежедневную борьбу за поиск своих близких.

92. Однако провал государства может быть следствием не целенаправленной политики, а других факторов, таких как сложность и неэффективность административных процедур, проблемы, связанные с федеративной структурой государства, нехватка ресурсов, коррупция и связи государственных служащих с преступными организациями, порой на самом высоком уровне.

93. Таким образом, Комитет считает, что имеющаяся информация не содержит достаточных оснований полагать, что отсутствие мер по борьбе с насильственными

исчезновениями является «преднамеренным» по смыслу пункта 2 а) статьи 7 Римского статута.

94. Комитет вновь заявляет, что ни Римский статут, ни международная судебная практика не предусматривают условия, согласно которому «нападение» должно осуществляться на всей территории соответствующего государства (см. пункт 74). Также нет условия, согласно которому нападение должно быть спланировано «в высшем эшелоне государственного аппарата»⁶⁴.

95. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что имеются достаточные основания полагать, что в ходе «нападений», совершаемых в различных частях страны в целях проведения государственной или организационной политики, направленной на совершение таких нападений, т. е. политики, разработанной и проводимой в жизнь «организациями», действующими самостоятельно или при соучастии и, как минимум, молчаливом согласии органов власти федерального уровня, уровня штатов и муниципалитетов, совершались и продолжают совершаться насильственные исчезновения. При этом Комитет считает, что нет достаточных оснований полагать, что на федеральном уровне существует политика, направленная на совершение таких деяний, будь то посредством преднамеренных действий или бездействия.

2. «Широкомасштабное или систематическое»

Применимая норма

96. Согласно применимым нормам, «нападение» должно иметь широкомасштабный или систематический характер, причем оно может соответствовать любому из этих двух признаков. В судебной практике международных и смешанных судов подчеркивается следующее:

а) «широкомасштабное» относится к масштабному характеру нападения и количеству затронутых лиц⁶⁵;

б) «систематическое» отражает организованный характер актов насилия и маловероятность того, что они совершаются бессистемно. В судебной практике подчеркивается также, что «систематический» характер нападения означает, что речь идет о «типичных преступлениях», которые представляют собой регулярно и неслучайно повторяющиеся и схожие преступные действия⁶⁶. Дела Жермена Катанги и Боско Нтаганды являются яркими примерами применения этих принципов⁶⁷.

Анализ имеющейся информации

а) «Широкомасштабное»

97. Признавая, что Национальный реестр исчезнувших и пропавших без вести лиц содержит данные о случаях «исчезновения» в общем смысле, не все из которых можно квалифицировать как «насильственные исчезновения» по смыслу статьи 2 или статьи 5 Конвенции, Комитет считает, что количество зарегистрированных случаев исчезновения (свыше 132 400 исчезнувших и пропавших без вести лиц по состоянию на 19 февраля 2026 года) и его постоянное увеличение сами по себе являются признаками масштабности этого явления на национальном уровне, причем признаков обращения этой тенденции вспять не наблюдается.

98. В своем докладе о посещении страны Комитет, тщательно проанализировав полученную информацию, уже сделал вывод, что на значительной части территории страны по-прежнему наблюдается широкомасштабная практика исчезновений при практически полной безнаказанности и повторной виктимизации жертв⁶⁸.

99. О масштабности этого явления свидетельствует также рост числа тайных захоронений, обнаруженных в последние годы. В качестве примера Комитет ссылается на данные, полученные в ходе мониторинга, проводимого Университетом «Ибероамерикана Леон» в своем центре обработки данных, согласно которым в период с 2009 по март 2025 года в штате Гуанахуато было зарегистрировано

723 тайных захоронения, из которых было извлечено около 1352 тел. Согласно этим данным, Ирапуато является муниципалитетом с наибольшим количеством тайных захоронений и обнаруженных тел, за которыми следуют Саламанка, Хувентино-Росас, Акамбаро, Селайя, Вильягран и Сальватерра. В штате Нижняя Калифорния, согласно данным организации Elementa DDHH, представленным в 2025 году, с октября 2009 года по март 2025 года было обнаружено 415 тайных захоронений. Кроме того, в период с 2010 года по март 2025 года было зарегистрировано 14 378 неопознанных тел из массовых захоронений в муниципалитетах Мехикали, Тихуана и Энсенада⁶⁹.

100. Хотя органы власти располагают разными данными о количестве обнаруженных в стране массовых захоронений, по текущим оценкам, в Мексике насчитывается более 4500 тайных захоронений, в которых находится более 6200 тел и 4600 человеческих останков⁷⁰. По официальным данным, на начало 2026 года в стране насчитывалось около 72 000 неопознанных человеческих останков, тогда как на момент посещения страны Комитетом в 2021 году их число составляло 52 000⁷¹. По данным органов прокуратуры штатов, в 2025 году на три штата приходилось 37 процентов от общего числа захоронений, зарегистрированных в стране: штат Сонора — 972 захоронения; штат Веракрус — 523 захоронения; штат Тамаулипас — 541 захоронение⁷².

101. Комитет считает, что в большинстве случаев нападений, о которых ему было сообщено, наличие большого числа жертв дает достаточные основания полагать, что эти нападения имели масштабный характер.

102. Таким образом, хотя Комитет и пришел к выводу, что нет достаточных оснований полагать, что насильственные исчезновения были частью единого «нападения», охватившего всю территорию Мексики, он считает, что имеются достаточные основания полагать, что в разных частях страны в разное время совершались и продолжают совершаться широкомасштабные «нападения».

b) *«Систематическое»*

103. Как уже отмечалось выше (см. пункт 86), проведя анализ представленной ему информации, Комитет считает, что изложенные факты исключают возможность того, что исчезновения, о которых идет речь, могли быть совершены лицами, действовавшими в самостоятельном и произвольном порядке.

104. МФПЧ зафиксировала, что в период с 2006 по 2016 год в штате Коауила имели место систематические виды практики, которые следовали аналогичной схеме. Проведенный анализ опирался на данные о более чем 500 случаях насильственных исчезновений, из которых МФПЧ рассмотрела 32 случая, взятых в качестве показательных примеров, касающихся 73 жертв, 33 из которых по-прежнему считаются пропавшими без вести. Проанализированная информация позволила МФПЧ выявить следующие две схемы, связанные с насильственными исчезновениями: а) в период с 2009 по 2011/2012 годы правоохранные органы штата Коауила похищали жертв, которых затем передавали картелю «Лос-Зетас»; и б) в период с 2011/2012 по 2016 год органы штата, ответственные за обеспечение безопасности, непосредственно совершали акты насильственных исчезновений силами своих спецподразделений, в том числе ГАТЕ (Группа по специальным видам оружия и тактики, сформированная в декабре 2011 года), ГАТЕМ (Муниципальная группа по специальным видам оружия и тактики), ГРУПО ЭЛИТЕ и ГРОМ (Отряд быстрого реагирования и смешанных операций)⁷³.

105. Во втором представлении МФПЧ были рассмотрены ситуации в штатах Халиско и Наярит и сделан вывод о наличии достаточно обоснованных свидетельств того, что исчезновения людей совершались систематически и были частью организованной преступной деятельности на основе определенных схем либо при непосредственном участии ряда государственных служащих, либо при их поддержке или с их согласия⁷⁴.

106. Остальные открытые доклады, представленные Комитету в соответствии со статьей 106 правил процедуры, а также информация, собранная Комитетом, подтверждают вывод о том, что в большинстве задокументированных случаев

насильственные исчезновения «носят систематический характер, поскольку при их совершении задействуются государственные ресурсы, включая государственных служащих и военные объекты, и в них прослеживаются преступные схемы»⁷⁵.

107. Таким образом, Комитет считает, что имеются достаточно обоснованные свидетельства того, что зафиксированные нападения были «систематическими» в том смысле, что все случаи насильственных исчезновений, совершенных в ходе этих нападений, соответствовали аналогичным схемам, что свидетельствует о неслучайном повторении действий, имевших место в разных частях страны в разное время.

3. «Направленное на гражданское население»

Применимая норма

108. Согласно судебной практике Международного уголовного суда, «нападение» должно быть «направлено на гражданское население». «Направлено на» означает, что гражданское население должно быть основной мишенью, а не побочной жертвой нападения⁷⁶. «Население» означает, что нападение не было направлено на узкий круг людей, выбранных случайным образом⁷⁷. Однако нет необходимости доказывать, что в момент нападения его мишенью было все население соответствующего географического района⁷⁸.

109. Термин «гражданское лицо» следует понимать в соответствии со статьей 50 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, т. е. как относящийся ко всем лицам, не являющимся членами вооруженных сил⁷⁹. Присутствие лиц, не являющихся гражданскими лицами, среди населения, состоящего в основном из гражданских лиц, не лишает это население его гражданского характера⁸⁰. Нет необходимости доказывать, что нападение «было основной задачей или целью рассматриваемых актов. Нападение, направленное на гражданское население, может также использоваться в других целях или иметь другие мотивы»⁸¹.

Анализ имеющейся информации

110. Во всех случаях, о которых было сообщено Комитету, гражданские лица были не случайными жертвами, а заранее выбранной мишенью нападения. Случаи, о которых сообщила МФПЧ, касаются нападений на гражданское население в штатах Коауила, Наярит и Веракрус⁸². По информации специализированного подразделения прокуратуры по делам об исчезновениях людей штата Халиско, который в настоящее время является федеральным субъектом Мексики с наибольшим числом пропавших без вести лиц, с декабря 2018 года по июнь 2025 года им было осмотрено 205 мест тайного захоронения людей в 19 муниципалитетах, в которых было обнаружено 1956 тел, из которых 1054 были опознаны⁸³. В штате Гуанахуато число пропавших без вести лиц увеличилось в период с 2017 года по апрель 2025 года в восемь раз, а в штате Табаско в 2024 и 2025 годах был зафиксирован экспоненциальный рост числа случаев исчезновения людей, причем основными жертвами стали девочки и молодые люди⁸⁴.

111. В полученной информации приводятся также конкретные примеры и подчеркивается, что, «хотя в некоторых случаях нападения были направлены на органы безопасности, чаще всего нападения были направлены на гражданское население»⁸⁵.

112. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что имеющаяся информация дает достаточные основания полагать, что упомянутые «нападения» направлены или были направлены «на гражданских лиц».

4. «Сознательное совершение нападения»

Применимая норма

113. Совершение преступлений предполагает «сознательное совершение нападения». Это означает, что исполнитель преступления должен осознавать, что соответствующее деяние совершается в рамках широкомасштабного или

систематического нападения на гражданское население. Однако это условие не следует толковать как требующее доказательства того, что исполнитель был осведомлен о всех характеристиках нападения или точных деталях плана или политики государства или организации⁸⁶.

114. Поскольку задача Комитета заключается не в рассмотрении индивидуальной ответственности, а в установлении наличия достаточных оснований полагать, что насильственные исчезновения совершались и продолжают совершаться как преступления против человечности, он не считает необходимым рассматривать данный критерий в связи с настоящим анализом.

D. Заключение

115. В соответствии с критерием «достаточно обоснованных свидетельств», предусмотренным в статье 34 Конвенции, Комитет не выступает в качестве следственной комиссии, и перед ним не стоит задача делать фактологические выводы. Комитет должен определить, может ли он удостовериться в том, что имеющаяся информация вызывает достаточную озабоченность для того, чтобы в срочном порядке довести этот вопрос до сведения Генеральной Ассамблеи, с тем чтобы она могла принять меры с целью установления фактов и исправления сложившейся ситуации в соответствии с ее полномочиями (см. пункты 53 и 54).

116. С учетом информации, полученной в соответствии со статьей 34, а также всей информации, собранной с момента начала взаимодействия с государством-участником в 2012 году, Комитет приходит к выводу о наличии достаточно обоснованных свидетельств того, что насильственные исчезновения совершались и продолжают совершаться в Мексике как преступления против человечности в виде широкомасштабных или систематических «нападений» на гражданских лиц, совершаемых в разное время в разных местах в целях проведения государственной или организационной политики, направленной на совершение таких нападений или на продвижение определенной политики, т.е. политики, разработанной и/или проводимой государственными органами на федеральном уровне, уровне штатов или муниципалитетов или же «организациями», действующими самостоятельно или при соучастии и, как минимум, молчаливом согласии государственных органов на муниципальном уровне, уровне штатов и федеральном уровне.

117. Тем не менее, хотя политика войны с незаконным оборотом наркотиков на национальном уровне отчасти создала условия для совершения таких «нападений» на местном уровне, нет достаточно обоснованных свидетельств того, что эта политика как таковая представляет собой федеральную политику, направленную на совершение таких деяний, по смыслу Римского статута. Аналогичным образом, хотя непринятие эффективных мер по предотвращению насильственных исчезновений на территории страны и наказанию виновных способствовало формированию атмосферы отсутствия безопасности и безнаказанности и созданию условий для совершения преступлений против человечности, нет достаточно обоснованных свидетельств того, что это можно приравнять к политике умышленного совершения по смыслу пункта 2 а) статьи 7 Римского статута.

118. Таким образом, Комитет приходит к выводу о том, что, хотя на территории Мексики совершаются «нападения» и преступления против человечности, нет достаточно обоснованных свидетельств того, что на федеральном уровне существует политика, направленная на совершение таких деяний, будь то путем преднамеренных действий или бездействия.

119. Комитет напоминает, что ни Римский статут, ни международная судебная практика не ставят условия о том, чтобы широкомасштабные или систематические нападения на гражданское население совершались на всей территории того или иного государства. Также нет условия, согласно которому нападение должно быть спланировано «в высшем эшелоне государственного аппарата»⁸⁷.

120. Ситуация с насильственными исчезновениями не улучшилась со времени посещения государства-участника в 2021 году, несмотря на предпринятые в этой связи усилия и принятые меры. Ответственные органы власти по-прежнему не справляются с масштабами преступности, и по-прежнему необходимы структурные изменения для эффективного и действенного решения и предотвращения этой проблемы.

121. С учетом вышеизложенного и принимая во внимание всю имеющуюся в его распоряжении информацию, Комитет приходит к выводу о наличии достаточно обоснованных свидетельств того, что в Мексике совершались и продолжают совершаться насильственные исчезновения в контексте широкомасштабных или систематических нападений, т. е. в качестве деяний, представляющих собой преступления против человечности.

V. Решение Комитета

122. В соответствии со статьей 34 Конвенции Комитет постановляет в срочном порядке передать ситуацию, связанную с насильственными исчезновениями в Мексике, на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. С этой целью Комитет просит Генерального секретаря препроводить Генеральной Ассамблее настоящее решение, соответствующие доклады и замечания, а также информацию, полученную от организаций гражданского общества, с тем чтобы она рассмотрела возможность принятия мер, направленных на оказание государству-участнику поддержки в деле предотвращения, расследования и искоренения насильственных исчезновений в Мексике и наказания за них.

123. Комитет доводит до сведения Генеральной Ассамблеи необходимость принятия мер, направленных на:

а) обеспечение технического сотрудничества, предоставление финансовой поддержки и оказание специализированной помощи, которые могут потребоваться Мексике в области розыска, судебно-медицинской экспертизы и тщательного расследования заявлений о насильственных исчезновениях, а также о связях между государственными служащими и организованной преступностью;

б) создание эффективного механизма для установления истины, оказания помощи и предоставления защиты семьям, разыскивающим своих близких, а также организациям и правозащитникам, которые их поддерживают.

124. Комитет вновь заявляет о своей приверженности дальнейшему сотрудничеству с Мексикой в соответствии с процедурами, предусмотренными Конвенцией, в частности статьями 29, 30 и 31, а также поддержанию постоянного диалога с властями и гражданским обществом.

125. Комитет напоминает, что статья 34 является частью предусмотренных Конвенцией процедур, направленных на содействие сотрудничеству и конструктивному диалогу между государствами-участниками и Комитетом. Ее применение в отношении конкретного государства-участника ни в коем случае не должно толковаться как наносящее ущерб другим процедурам, предусмотренным Конвенцией, или как вмешательство в эти процедуры и не должно оказывать влияния на сотрудничество между Комитетом и данным государством-участником, а, напротив, должно содействовать его укреплению.

Примечания

¹ CED/C/1/Rev.3.

² *Ibid.*

³ CED/C/MEX/CO/1.

⁴ *Ibid.*

⁵ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párr. 40.

⁶ CED/C/30/2.

⁷ CED/C/28/3, párr. 69.

⁸ CED/C/27/2, párr. 48; y CED/C/28/3, párr. 70.

- ⁹ CED/C/27/2, párr. 88.
- ¹⁰ Véase los informes del Comité sobre las peticiones de acción urgente del 11º período de sesiones (CED/C/11/3) al 30º período de sesiones (CED/C/30/2).
- ¹¹ CED/C/28/3, párrs. 72, 93 y 94.
- ¹² CED/C/27/2, párr. 84.
- ¹³ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 28 y 29; CED/C/MEX/VR/1 (Recommendations), párrs. 57 a 71; y CED/C/MEX/OAI/2, párrs. 47 y 48.
- ¹⁴ CED/C/27/2, párr. 84.
- ¹⁵ CED/C/28/3, párr. 70.
- ¹⁶ CED/C/27/2, párr. 84.
- ¹⁷ CED/C/26/2, párrs. 34 y 35; y CED/C/28/3, párr. 75.
- ¹⁸ CED/C/27/2, párr. 87.
- ¹⁹ *Ibid.*, párr. 88.
- ²⁰ *Berrospe Medina c. México* (CED/C/24/D/4/2021) y *Ramírez Barrios y Ramírez Barrios c. México* (CED/C/28/D/5/2021).
- ²¹ CED/C/MEX/A.34/RI/1.
- ²² FIDH, “Documento presentado al Comité contra la Desaparición Forzada respecto a la situación en México”, 11 de febrero de 2025.
- ²³ *Ibid.*; y FIDH, IDHEAS, “México: Estructura criminal en la Fiscalía General del estado de Nayarit y crímenes de lesa humanidad”, junio de 2021, disponible en https://www.fidh.org/IMG/pdf/fidh-idheas_-_informe_nayarit_espanol_.pdf.
- ²⁴ FIDH, “Documento presentado al Comité contra la Desaparición Forzada sobre la situación en México”, 11 de febrero de 2025; y FIDH, Comisión Mexicana de Defensa y Promoción de Derechos Humanos y Comisión Ciudadana de Derechos Humanos del Noroeste, “Comunicación de acuerdo con el artículo 15 del Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional sobre la presunta comisión de crímenes de lesa humanidad, en México entre 2006 y 2012”, disponible en [informe_mexico_cpi.pdf](#).
- ²⁵ FIDH, “Remisión de México en virtud del art. 34 de la Convención: información que indica el carácter sistemático de los casos recientes”, 22 de abril de 2025.
- ²⁶ Véase CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 28 y 29, CED/C/MEX/VR/1 (Recommendations), párrs. 57 a 71. El Comité destacó que, según la información disponible, 52.000 personas fallecidas sin identificar yacían en fosas comunes, instalaciones de los servicios forenses, universidades y centros de resguardo forense a la fecha de la visita, y que dicha cifra, a pesar de su magnitud, no incluía a los cuerpos todavía no localizados ni a los miles de fragmentos de restos humanos que las familias y comisiones de búsqueda recogen semanalmente en las fosas clandestinas.
- ²⁷ Disponibles en el sitio web del Comité:
tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=2852&Lang=en
- ²⁸ Centro PRODH, “Aportes en torno al procedimiento previsto en el artículo 34 de la Convención con respecto de México”, 18 de septiembre de 2025; Amnistía Internacional, “Activación del artículo 34 de la Convención Internacional para la Protección de Todas las Personas contra las Desapariciones Forzadas”, septiembre de 2025; colectivos y organizaciones de la sociedad civil: “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México. Informe presentado al Comité contra la Desaparición Forzada conforme al artículo 34 de la Convención: Una oportunidad para proteger a todas las personas contra las desapariciones forzadas en México”, 12 de agosto de 2025; Global Rights Advocacy y Seattle University School of Law, “México y la desaparición forzada como crimen de lesa humanidad: el costo humano del corredor minero”, 29 de octubre de 2025. Todas ellas pueden consultarse en https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/countries.aspx?CountryCode=MEX&Lang=SP.
- ²⁹ “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, 12 de agosto de 2025, págs. 18 a 32. Disponible en tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCED%2FNGO%2FMEX%2F68126&Lang=en.
- ³⁰ Respuestas de México a la solicitud de información con arreglo al artículo 34 de la Convención, 18 de septiembre de 2025.
- ³¹ CED/C/10/Rev.1.
- ³² Véase <https://www.ohchr.org/es/publications/policy-and-methodological-publications/commissions-inquiry-and-fact-finding-missions>.
- ³³ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 40 y 41.
- ³⁴ Respuestas de México a la solicitud de información con arreglo al artículo 34 de la Convención, 18 de septiembre de 2025, párr. 59.
- ³⁵ *Ibid.*, párr. 62.
- ³⁶ A/HRC/13/31.
- ³⁷ Véase el artículo 7, párrafo 1, del Estatuto de Roma. Y, entre otros, los siguientes fallos: Corte Penal Internacional, situación en la República Democrática del Congo, *Le Procureur c. Germain Katanga*,

- Sala de Primera Instancia II, fallo dictado con arreglo al artículo 74 del Estatuto, 7 de marzo de 2014, ICC-01/04-01/07; Sala de Apelaciones, situación en la República Democrática del Congo, *The Prosecutor v. Bosco Ntaganda*, fallo sobre las apelaciones, 30 de marzo de 2021, ICC-01/04-02/06 A A2; Sala de Primera Instancia IX, situación en la República Centroafricana, *The Prosecutor v. Dominic Ongwen*, fallo de 4 de febrero de 2021, ICC-02/04-01/15-1762-Red; Sala de Primera Instancia X, situación en Malí, *The Prosecutor v. Al Hassan Ag Abdoul Aziz Ag Mohamed Ag Mahmoud*, fallo, 26 de junio de 2024, ICC-01/12-01/18-2594-Red; Sala de Primera Instancia V, situación en la República Centroafricana II, *The Prosecutor v. Alfred Yekatom and Patrice-Edouard Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, ICC-01/14-01/18; y Sala de Primera Instancia I, situación en Darfur (Sudán), *The Prosecutor v. Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahman (“Ali Kushayb”)*, fallo de 6 de octubre de 2025, ICC-02/05-01/20. Véase también Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, Sala de Apelaciones, *The Prosecutor v. Dragoljub Kunarac et al.*, fallo de 12 de junio de 2002, IT-96-23/1-A; y Sala de Apelaciones, *The Prosecutor v. Milan Martić*, fallo de 8 de octubre de 2008, causa IT-95-11.
- ³⁸ Respuestas de México a la solicitud de información con arreglo al artículo 34 de la Convención, 18 de septiembre de 2025, párr. 64.
- ³⁹ *Ibid.*
- ⁴⁰ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párr. 11.
- ⁴¹ *Ibid.*, párr. 13. Véase también el párr. 21.
- ⁴² FIDH, “Documento presentado al Comité contra la Desaparición Forzada respecto a la situación en México”, 11 de febrero de 2025, págs. 2, 5 a 8; “Remisión de México en virtud del art. 34 de la Convención: información que indica el carácter sistemático de los casos recientes”, pág. 5; Amnistía Internacional, “Activación del artículo 34 de la Convención Internacional para la Protección de Todas las Personas contra las Desapariciones Forzadas”, págs. 4 y 5; y organizaciones de la sociedad civil y colectivos: “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, 12 de agosto de 2025, págs. 11 a 40.
- ⁴³ FIDH, “Remisión de México en virtud del art. 34 de la Convención: información que indica el carácter sistemático de los casos recientes”, pág. 2. Disponible en https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCED%2FRIS%2FMEX%2F68123&Lang=en.
- ⁴⁴ Amnistía Internacional, “Activación del artículo 34 de la Convención”, pág. 4.
- ⁴⁵ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párr. 50. Del mismo modo, en su informe de visita de 2011, el Grupo de Trabajo sobre las Desapariciones Forzadas o Involuntarias recordó que “solo mediante una investigación independiente, imparcial y completa se puede descartar una potencial desaparición forzada. Por ende, el número de casos de desaparición forzada no puede ser establecido a cabalidad sin la debida investigación” (A/HRC/19/58/Add.2, párr. 21).
- ⁴⁶ Corte Penal Internacional, Sala de Primera Instancia VI, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 8 de julio de 2019, párr. 662; *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3770; y *The Prosecutor v. Ali Kushayb*, fallo de 6 de octubre de 2025, párr. 692.
- ⁴⁷ *Ibid.*, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1108; y Sala de Primera Instancia VI, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 8 de julio de 2019, párr. 662.
- ⁴⁸ *Ibid.*, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1116; *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3775; y Sala de Primera Instancia VI, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 8 de julio de 2019, párr. 673.
- ⁴⁹ *Ibid.*, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1119; y *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3774.
- ⁵⁰ *Ibid.*, Sala de Primera Instancia VI, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 8 de julio de 2019, párr. 662; y *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3773.
- ⁵¹ *Ibid.*, Sala de Primera Instancia VI, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 8 de julio de 2019, párr. 662; *The Prosecutor v. Ongwen*, fallo de 4 de febrero de 2021, párr. 2689; Sala de Primera Instancia VIII, *The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi*, fallo de 27 de septiembre de 2016, párrs. 18 y 49; y *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3780. Véase también Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, *The Prosecutor v. Kunarac et al.*, fallo de apelación de 12 de junio de 2002, párr. 57.
- ⁵² Corte Penal Internacional, *The Prosecutor v. Ongwen*, fallo de 4 de febrero de 2021, párr. 2679; *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3776; *The Prosecutor v. Ali Kushayb*, párr. 699.
- ⁵³ *The Prosecutor v. Ongwen*, fallo de 4 de febrero de 2021, párr. 2679; *The Prosecutor v. Yekatom y Ngaïssona*, fallo de 24 de julio de 2025, párr. 3776; y *The Prosecutor v. Ali Kushayb*, fallo de 6 de octubre de 2025, párr. 699.
- ⁵⁴ Corte Penal Internacional, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014: el “ataque” tuvo lugar el 24 de febrero de 2003 en el pueblo de Bogoro (provincia de Ituri), perpetrado por un grupo armado, durante el cual se estima que más de 200 civiles murieron. En la causa *The Prosecutor v. Ntaganda*, Sala de Primera Instancia VI, fallo de 8 de julio de 2019: el “ataque” tuvo lugar entre agosto de 2002 y diciembre de 2003 en la provincia de Ituri, a través de dos “operaciones” principales

- que involucraron múltiples crímenes y víctimas. Véanse también, entre otros, Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, Sala de Primera Instancia I, *The Prosecutor v. Stanislav Galić*, fallo de 4 de diciembre de 2003, IT-89-29-T: el ataque tuvo lugar durante el mando del acusado (septiembre de 1992 a agosto de 1994), en el contexto del asedio de Sarajevo, mediante una campaña prolongada de francotiradores y bombardeos contra civiles en Sarajevo; y Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, Sala de Primera Instancia I, *The Prosecutor v. Ante Gotovina et al.*, fallo de 15 de abril de 2011, IT-06-90-T: el ataque tuvo lugar entre agosto y septiembre de 1995 en Krajina (Croacia) durante la llamada “Operación Tormenta”, mediante una campaña de deportación y traslado forzoso de la población civil serbia de Krajina.
- ⁵⁵ Corte Penal Internacional, *Le Procureur c. Katanga*, 7 de marzo de 2014, párr. 1122.
- ⁵⁶ En el caso de Kenya, por ejemplo, la Corte Penal Internacional determinó que los denominados Mungiki operaban como una estructura jerárquica amplia y compleja, caracterizada por diversos niveles de mando y una clara división de funciones en la estructura de mando. La obediencia a las normas internas de los Mungiki se logra mediante estrictas medidas disciplinarias. También se demostró que los Mungiki tenían control sobre actividades sociales fundamentales en muchas de las zonas residenciales pobres, especialmente en Nairobi, y recaudaban impuestos informales para financiar dichas actividades. Corte Penal Internacional, Sala de Costas II, situación en la República de Kenya, en la causa *The prosecutor v. Francis Kirimi Muthaura, Uhuru Muigai Kenyatta and Mohammed Hussein Ali*, 8 de marzo de 2011 (ICC-01/09-02/11), párr. 22. Véase también Open Society Justice Initiative, *Atrocidades innegables: confrontando crímenes de lesa humanidad en México* (2016), págs. 87 a 95. Véase también Carsten Stahn, “A critical introduction to international law”, Cambridge, Cambridge University Press (2019), pág. 57.
- ⁵⁷ Open Society Justice Initiative, *Atrocidades innegables: confrontando crímenes de lesa humanidad en México* (2016), págs. 87 a 95. Véase también Carsten Stahn, “A critical introduction to international law”, Cambridge, Cambridge University Press (2019), pág. 57.
- ⁵⁸ “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, informe del 12 de agosto de 2025, pág. 24. Disponible en https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/countries.aspx?CountryCode=MEX&Lang=SP.
- ⁵⁹ *Ibid.*, pág. 29.
- ⁶⁰ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 11 y 44 a 48; y A/HRC/19/58/Add.2, párr. 90.
- ⁶¹ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 44 a 47.
- ⁶² Respuestas de México a la solicitud de información con arreglo al artículo 34 de la Convención, 18 de septiembre de 2025, párrs. 37 a 43.
- ⁶³ *Ibid.*, párr. 106.
- ⁶⁴ Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, Sala de Primera Instancia I, *The Prosecutor v. Tihomir Blaškić*, fallo de 3 de marzo de 2000, IT-95-14-T, párr. 205.
- ⁶⁵ Corte Penal Internacional, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1123.
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ En la causa *Katanga*, la Sala de Primera Instancia de la Corte Penal Internacional consideró que el ataque a la aldea de Bogoro por parte de un grupo armado, durante el cual se estima que murieron más de 200 civiles, podía considerarse en sí mismo un ataque “sistemático”, tal y como se desprendía del escenario del ataque y, más concretamente, de la forma en que las tropas se desplegaron, atacaron la aldea y cometieron los crímenes (*Katanga*, párrs. 1157 a 1162). En la causa *Ntaganda*, la Sala de Primera Instancia determinó que el ataque liderado por un grupo armado en Ituri entre el asalto a Bunia en agosto de 2002 y el asalto a la misma ciudad en mayo de 2003 fue tanto generalizado como sistemático (fallo de juicio *Ntaganda*, 8 de julio de 2019, párrs. 691 a 695).
- ⁶⁸ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párr. 24.
- ⁶⁹ “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, 12 de agosto de 2025, págs. 31 y 32.
- ⁷⁰ Las fiscalías estatales reportaron un total de 5.532 fosas clandestinas entre 2006 y 2024, mientras que la Fiscalía General de la República informó únicamente de 630 fosas en el mismo periodo. Véase <https://plataformaciudadanadefosas.org/assets/diagnostico-forense.pdf>, págs. 8 y 9.
- ⁷¹ CED/C/MEX/VR/1 (Findings), párrs. 28 a 29.
- ⁷² Véase <https://plataformaciudadanadefosas.org/assets/diagnostico-forense.pdf>, pág. 9.
- ⁷³ FIDH, “Documento presentado al Comité contra la Desaparición Forzada respecto a la situación en México”, 11 de febrero de 2025, pág. 4.
- ⁷⁴ FIDH, “Remisión de México en virtud del art. 34 de la Convención: información que indica el carácter sistemático de los casos recientes”. Disponible en https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCED%2FRIS%2FMEX%2F68123&Lang=en.
- ⁷⁵ “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, 12 de agosto de 2025, pág. 18. Véase la descripción de situaciones específicas en varios estados, págs. 14 a 33.
- ⁷⁶ Corte Penal Internacional, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1104.
- ⁷⁷ *Ibid.*, párr. 1105.

⁷⁸ *Ibid.*

⁷⁹ *Ibid.*; y Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, *The Prosecutor v. Milan Martić*, párr. 297.

⁸⁰ Corte Penal Internacional, *The Prosecutor v. Al Hassan Ag Abdoul Aziz Ag Mohamed Ag Mahmoud*, fallo de 26 de junio de 2024, párr. 1106.

⁸¹ *Ibid.*, *The Prosecutor v. Ntaganda*, fallo de 30 de marzo de 2021, párr. 424.

⁸² FIDH, “Documento presentado al Comité contra la Desaparición Forzada respecto a la situación en México”, 11 de febrero de 2025.

⁸³ “Desapariciones forzadas generalizadas y/o sistemáticas cometidas en México”, 12 de agosto de 2025, pág. 22.

⁸⁴ *Ibid.*, págs. 25 a 29.

⁸⁵ *Ibid.* pág. 5.

⁸⁶ Corte Penal Internacional, *Le Procureur c. Katanga*, fallo de 7 de marzo de 2014, párr. 1125.

⁸⁷ Tribunal Penal Internacional para la ex-Yugoslavia, Sala de Primera Instancia I, *The Prosecutor v. Tihomir Blaškić*, fallo de 3 de marzo de 2000, párr. 205.

Anexo

[Español únicamente]

Cronología de la cooperación entre el Comité y el Estado Parte y actuación del Comité en los diferentes procedimientos de su mandato

<i>Fecha</i>	<i>Acción</i>	<i>Marco jurídico</i>	<i>Documentos/decisiones finales</i>
Febrero de 2007	Ratificación de la Convención por el Estado Parte		
1.	Revisión del informe inicial y de la información complementaria presentados por el Estado Parte y aprobación de las observaciones finales del Comité	Art. 29, párrs. 1, 3 y 4, de la Convención	
Marzo de 2014	Presentación del informe inicial presentado por el Estado Parte		CED/C/MEX/1 y CED/C/MEX/1/Corr.1
Febrero de 2015	Diálogo constructivo sobre el informe inicial Aprobación de las observaciones finales por el Comité sobre el informe presentado por el Estado Parte		CED/C/MEX/CO/1
Febrero de 2016	Presentación de la información del Estado Parte sobre el seguimiento de las observaciones del Comité		CED/C/MEX/CO/1/Add.1
Octubre de 2016	Aprobación del informe sobre el seguimiento de las observaciones finales del Comité		CED/C/11/2
Febrero de 2018	Presentación de información por el Estado Parte sobre la implementación de las observaciones finales		CED/C/MEX/CO/1/Add.2
Noviembre de 2018	Diálogo constructivo sobre la información complementaria Aprobación de las observaciones finales II del Comité		CED/C/MEX/OAI/1

Enero de 2022	Presentación de información complementaria por el Estado Parte	CED/C/MEX/AI/2
Septiembre de 2023	Diálogo constructivo sobre la información complementaria presentada por el Estado Parte y el informe de la visita del Comité (CED/C/MEX/VR/1 (Findings) y CED/C/MEX/VR/1 (Recommendations)) Aprobación de las observaciones finales del Comité sobre la información complementaria presentada por el Estado Parte	CED/C/MEX/OAI/2
Septiembre de 2026	Plazo de entrega de la información complementaria por el Estado Parte	
2. Peticiones de acción urgente		Art. 30 de la Convención
2012	Registro de la primera petición de acción urgente por el Comité en relación con hechos ocurridos en México	
Junio de 2025	Registro total de peticiones de acción urgente relacionadas con México al 18 de junio 2025: 757 (de 2.064 casos registrados), de los cuales: se cerraron 78 tras la localización de la persona desaparecida y siguen activos 679	
3. Comunicaciones individuales		Art. 31 de la Convención
Octubre de 2020	Aceptación del procedimiento por el Estado Parte	
Julio de 2021	Registro de la primera comunicación individual relativa a México	
Octubre de 2021	Registro de la segunda comunicación individual relativa a México	

Marzo de 2023	Aprobación del dictamen sobre la comunicación núm. 1 por el Comité	CED/C/24/D/4/2021
Julio de 2024	Registro de la tercera comunicación individual relacionada con México	
Marzo de 2025	Audiencia pública y aprobación del dictamen sobre la comunicación núm. 2 por el Comité	CED/C/28/D/5/2021
4. Visita al país		Art. 33 de la Convención
2012-2013	Recepción de la solicitud de activación del procedimiento con arreglo al artículo 33 de la Convención	
Mayo de 2013	Solicitud de información al Estado Parte sobre la solicitud recibida	
Septiembre de 2013	Reunión con el Estado Parte donde informan que invitarán al Comité	
Enero de 2014	Reiteración de la decisión del Comité de solicitar una visita	
Febrero de 2014 a marzo de 2020	Intercambios en los que México no consintió la visita o la aplazó	
30 de agosto de 2021	Aceptación por el Estado Parte de la visita del Comité a México	
15 a 26 de noviembre de 2021	Visita del Comité a México	
Marzo de 2022	Informe del Comité sobre su visita a México	CED/C/MEX/VR/1 (Findings) CED/C/MEX/VR/1 (Recommendations)
Agosto de 2022	Respuesta del Estado Parte al informe de visita	CED/C/MEX/OVR/1 y anexos
Septiembre de 2023	Diálogo constructivo sobre la información complementaria presentada por el Estado Parte (CED/C/MEX/AI/2) y el informe del Comité sobre su visita a México	CED/C/MEX/OAI/2

	Aprobación de las observaciones finales del Comité sobre la información complementaria presentada por el Estado Parte	
5.	Acción basada en indicios de que las desapariciones forzadas se practican de forma generalizada o sistemática	Art. 34 de la Convención
2019	Primera solicitud de activación del procedimiento, el Comité no adopta ninguna acción	
2021	Cuatro solicitudes de activación del procedimiento El Comité decidió no activar el procedimiento para evitar el solapamiento con el procedimiento de visita	
Marzo a octubre de 2025	Recepción de documentación por la que se solicita la activación del artículo 34 de la Convención (Federación Internacional por los Derechos Humanos y otros)	
17 de marzo a 4 de abril de 2025	28ª sesión del Comité: adopción de la decisión de solicitar al Estado Parte toda la información pertinente sobre la situación	
24 de junio de 2025	Presentación de la solicitud al Estado Parte, con plazo de respuesta al 18 de septiembre de 2025	CED/C/MEX/A.34/RI/1
18 de septiembre de 2025	Respuesta del Estado Parte (mantenida confidencial a solicitud del Estado Parte hasta la publicación de la decisión del Comité)	
18 de septiembre de 2025 a marzo 2026	Recepción de documentación pública sobre la situación	

22 de septiembre a 2 de octubre de 2025; 9 a 19 de marzo 2026

29° y 30° períodos de sesiones del Comité: análisis de la información y adopción de la decisión de llevar la cuestión, con carácter urgente, a la consideración de la Asamblea General de las Naciones Unidas por medio del Secretario General de las Naciones Unidas

---

CED/C/MEX/A.34/D/1